

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	88
Глава 8	100
Глава 9	113
Глава 10	124
Глава 11	137
Глава 12	153
Глава 13	165
Глава 14	177
Глава 15	188
Глава 16	202
Глава 17	214
Глава 18	226
Глава 19	239
Глава 20	254
Глава 21	276
Глава 22	295
Глава 23	309
Глава 24	328

Глава 1

Дерьмовая турецкая водка встала в пищеводе колом, я закашлялся, схватил пластиковую бутылку с водой, чтобы запить ракию. Прислушался к себе... Нет, прошла и так. В горле стоял мерзкий ком, но это уже был привычный спазм, а не последствия анисовой сивухи.

Ракия почему-то лучше всего помогала давить в себе чувство вины. И безысходности. Виски, вино, коньяк не помогли, а турецкая водка смогла. Загадка... После пятой порции я уже мог с волчьей тоской смотреть на фотографии семьи в телефоне, а после восьмой отвечать на звонки и читать мессенджеры. Там творился форменный ад. Сотни людей, даже совершенно незнакомые, писали мне, спрашивали, чем помочь, перечисляли деньги на мой счет — кто-то из родственников додумался опубликовать в соцсетях мои банковские реквизиты, и теперь на карте скопилось больше пяти миллионов рублей. Даже если бы не было страховки, этих денег вполне хватило, чтобы увезти тела родных домой и похоронить их там по-человечески.

— Только тел нет! — я ударил со всей силы рукой по столу. Боль пробилась сквозь опьянение и немного привела в чувство. Снова и снова вспоминал я тот страшный день...

...Лена и девочки спали после вечерней дискотеки с аниматорами и на рыбалку со мной ехать категорически отказались. Ну да... удовольствие для начала мая малоприятное. Это на суше сейчас тепло, а днем даже жарко. Но в открытом море такой ветродуй, что дочкам там точно делать нечего. Я встал, собрался по-тихому, чтобы никого не разбудить, и вышел из нашего номера. Ранним утром все лифты свободны, но я с удовольствием спустился по лестнице. Третий этаж — не бог весть какая высота, а небольшая разминка мне не помешает. Выйдя на улицу, потянулся, с хрустом расправляя плечи, и быстрым шагом направился к самому дальнему пирсу.

Там меня уже ждал катер с оплаченной экскурсией на морскую рыбалку. Зубан, золотистый спар и даже огромный трехметровый группер — чего только не обещали ушлые турки! Какой же нормальный рыбак устоит перед таким искушением? И мы уже почти погрузились на катер, когда я почувствовал под ногами сильные толчки и увидел, как вода быстро отступает в море, оголяя дно.

— Депрем, депрем!¹

¹ Землетрясение, землетрясение! (*Турецк.*)

Смуглолицые гиды начали разбегаться с пирса, и я увидел, как вдалеке на нас надвигается длинная, во весь пляж волна. Рванул следом за турками и вместе со всеми взбежал по лестнице на открытую террасу на крыше трехэтажной прибрежной виллы. Землю еще несколько раз сильно потряхнуло, мини-цунами хлынуло на берег, добралось до крыльца здания, но этим дело и ограничилось.

После новых толчков по стене виллы побежали трещины, обрушилась часть стеклянного ограждения на крыше, вдалеке завывала сирена. Только подумал, что все успокоилось, — ударили афтершоки. Упал электрический столб, обрывая провода, сирена заткнулась.

Ждать я уже не мог — помчался к зданию своего отеля. Так быстро в жизни не бегал! Двести метров преодолел секунд за сорок. Но вылетев на открытую площадку, с ужасом увидел, что двенадцатиэтажного здания нашего отеля больше не существует — оно сложилось, как карточный домик. В воздухе висело огромное облако пыли, вокруг кашляли и чихали люди, которым удалось спастись.

Я стоял, оглушенный увиденным, а потом бросился карабкаться по груде камней, пытаясь столкнуть вниз куски плит. Что-то кричал, требуя от турок немедленно начать разбирать завалы. Меня схватили за руки, силком стащили вниз. Так я выучил еще одно турецкое выражение, которое слышал теперь постоянно: «Техликили!» — «Опасно!»

Искать своих мне никто не дал. Да это было и невозможно... Пыль, обвалы... И руины целых девяти этажей, похоронивших наш номер на третьем. Жена и дочери сгнули под обломками современного пятизвездочного отеля «Си Бич ресорт». Двенадцать этажей дерьмовой строительной конструкции, владельцы которой сбежали из страны в тот же день.

Спасателей мы ждали три часа. А еще сутки — строительные краны. Их на побережье Сиде оказалось раз-два и обчелся, а разрушения были катастрофические. И отправляли первым делом краны туда, где шансов спасти людей было больше.

За одни сутки я полностью поседел. Стал белый, как лунь. Я и ночью бродил по развалинам, пытаюсь расслышать крики о помощи. Но увы — в том крыле, где когда-то был наш номер, стояла могильная тишина. Ни стонов, ни криков, ни шепота. Вот странно все же... «Си Бич» превратился в пыль, а рядом стоящий «Мелас», куда переселили всех выживших, остался цел. Небольшие трещины по фасаду и покосившиеся опоры открытой террасы не в счет. Хоть бы что ему, а ведь оба отеля строили примерно в одно время...

Я почти сошел с ума, когда наконец-то следующим утром появились спасатели с техникой.

Потом неделю шел разбор завалов. И... ничего! Сегодня мне сообщили, что, возможно, тела моей жены и дочерей вообще не найдут. Они скорее всего дефрагментированы. В течение полугода будет сделан генетический анализ

останков, которые удастся собрать. Хотите сдать слюну на ДНК?

...Сегодня до меня добралась русскоязычная дама — психолог. Пыталась убедить, что пора возвращаться домой. На мой равнодушный вопрос «зачем?» она устало вздохнула. И тогда я заметил, насколько сама она вымотана — и морально, и физически. Можно было только догадываться, сколько людского горя она увидела за эти семь дней. Милая женщина, имени которой я так и не запомнил, изо всех сил пыталась помочь, не понимая, что ничья помощь мне уже не требуется. Я всё твердо решил. И нет в мире такой силы, которая заставит меня изменить свое решение.

Но, пожалев психолога, я сделал вид, что поддался ее уговорам. Пообещал, что завтра же пойду во временный консульский центр и попрошу отправить меня в Москву. Кажется, она поверила моему вранью... а может, просто сделала вид. Потому что вострепелась и начала убеждать меня, что жизнь, оказывается, продолжается, и я теперь должен жить ради светлой памяти о своей семье. Я равнодушно кивал ей, заранее соглашаясь со всем, что она скажет, а в душе надеялся, что меня побыстрее оставят в покое...

* * *

...Достав припрятанную недопитую бутылку, я один за другим сделал несколько жадных

глотков ракии. Прямо из горла. Во-от. Теперь анестезия окончательно подействовала, значит пора. Нет, не сдавать ДНК, и уж тем более не бежать в консульство за билетами в Москву. Мне пора встретиться с моими любимыми девочками. Знаю, что они там, наверху, ждут. Зовут меня. Я ведь постоянно слышу их голоса. И не стоит заставлять их долго ждать.

Забравшись на стол, я тщательно закрепил веревку, найденную на пирсе, на крюк люстры. Выдержит? Должна вроде... Накинул петлю на шею, затянул ее, отбросил ногой недопитую бутылку. Она с шумом разбилась, упав на пол, в дверь номера тут же застучали.

— Мистер Никитин! А ю о'кей?

— Ай эм нот о'кей, — я оттолкнул стол ногами и повис в петле. — Хр... хр... Хр!!!

Мир завертелся перед глазами, как в калейдоскопе, потом резко погас свет.

...И тут же включился обратно. Клац-клац.

Я растерянно проморгался, попытался прокашляться. Но не смог. Вокруг моей шеи была по-прежнему затянута веревка, а ногами я теперь стоял на какой-то узкой скамье. Захотел ослабить веревку, но вдруг обнаружил, что руки мои крепко связаны за спиной. А вместо футболки на мне какая-то странная длинная рубаха с широкими рукавами и нагрудник, на котором что-то написано, но что именно, не разглядеть — верёвка не позволяла сильно наклонить голову. Что за хрень?!. Но самое поразительное, что

я находился где-то на улице, а рядом говорили по-русски.

— ...За то, что, по собственному его признанию, имел он умысел на убийство помазанника Божьего, — монотонно, без остановки бубнил чей-то нудный голос, — всяко изыскивал к тому средства, избирал и назначал лиц к совершению одного злодеяния, умышлял истребление членов императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех на жертву обреченных. Возбуждал к тому других преступников, учреждал и с неограниченной властью управлял тайным обществом, имевшим целью своей бунт и введение республиканского правления. При этом до конца дерзко упорствовал в своих заблуждениях и не раскаялся в содеянном...

Господи, а это что еще за бред?!

— ...Приговорить бывшего капитана лейб-гвардии Павла Стоцкого к разжалованию из всех чинов, к лишению дворянского титула и иссушению дара. А за сим приговорить одного к повешению. Казнь осуществить немедленно, сразу же после оглашения сего приговора.

Глаза наконец-то привыкли к яркому свету, и я увидел, что стою на длинной скамье не один — с двух сторон от меня еще шестеро мужчин с веревками на шее и в таких же белых рубашках. Весь спектакль происходит на высоком деревянном помосте, который находится в центре большой площади. На брусчатке лежит снег. Вдалеке, за цепью солдат, толпится народ, одетый в какую-то дурацкую, допотопную одежду. Наша

семерка стоит лицом к трибуне, на которой, словно разряженные петухи на насесте, сидят военные в мундирах с регалиями и накинутых сверху плащах, подбитых мехом. Их шляпы-двууголки украшают высокие плюмажи. Некоторые из них наводят на нас лорнеты, а один не постеснялся и подзорной трубой воспользоваться. Театр, блин... только оркестра здесь не хватает. Хотя вон какие-то военные с барабанами стоят перед трибуной.

Это я уже умер, и у меня такие посмертные видения? Или так выглядит ад для грешников?

— ...Поручик третьей артиллерийской бригады Петр Южинский... — бубнёж за спиной снова обрел силу, словно в занудный голос прибавили громкости, — ...сей преступник сам вызвался на убийство блаженные памяти государя императора и ныне царствующего государя императора, избирал и назначал себе в помощь лиц к совершению оногo...

Подул порыв ледяного ветра, и меня кинуло в дрожь — зубы помимо воли начали отбивать четку. Стоять в одной рубахе на пронизывающем ветру было чертовски неприятно. Голос то и дело пропадал, будто его отключали на время, а потом снова включали. А вот видел я теперь просто отлично. И это с моими-то минус два! Я поднял глаза к небу — низкие хмурые облака закрывали солнце, не удивлюсь, если сейчас еще и снег пойдет. Господи, какая же здесь холодыга...

Осторожно повернув голову, насколько позволяла веревка, я обвел взглядом площадь,

но ничего не узнал. Здания вокруг совершенно незнакомые. Хотя мне показалось, что слева я вижу шпиль Адмиралтейства, но где тогда Исаакиевский собор? На предполагаемом месте идет какая-то стройка, установлены леса и никакого парка перед ним. Скосил глаза направо — там привычного здания Сената с аркой тоже нет, лишь какой-то незнакомый дворец. Ничего не понятно... Вроде Питер, а вроде и нет.

Вернулся взглядом к трибуне. Перед глазами вдруг потемнело и начало двоиться — а потом резкость снова «включилась», я увидел среди фигур военных одного странного человека. Правильные черты лица, довольно молодой — лет тридцати, темноволосый, высокий — гораздо выше остальных ростом. Он невольно притягивал взгляд, да и сидящие рядом с ним военные с подчеркнутым почтением и даже льстивым подобоострастием обращались к нему. А кому у нас испокон веков льстить привыкли? Богатеям да начальству. Значит, это какой-то большой начальник... или генерал.

Незнакомец словно почувствовал, что я на него смотрю, и встретился со мной взглядом. По тонким губам скользнула неприятная, какая-то змеиная улыбка, и все очарование этого по-настоящему красивого мужчины моментально померкло. Я равнодушно перевел взгляд с незнакомца на строй солдат в старинных мундирах, что стояли перед трибуной, потом на зевак, столпившихся на краю площади...

— ...к повешению!